

Субтропическое солнце вечно скрыто за нагромождением высоток. Плакат в центре площади — это сцена эпохи, приковывающая всеобщее внимание, а заодно и место, где светская тусовка устраивает свои проверки и облавы.

Цзян Ин подошёл к панорамному окну. Уперев руки в бока, он с минуту любовался знаменитой масштабной рекламой:

— Отсюда её видно, стоит только поднять глаза.

Шэнь Цзуннянь сделал вид, что не услышал. Цзян Ин больше ничего не сказал и снова заговорил об энергетическом проекте.

Когда Цзян Ин ушёл, вошла Чжун Маньцин и спросила, нужно ли заказать ужин для тех, кто остаётся на сверхурочные.

— Не нужно.

Шэнь Цзуннянь обещал Тань Юмину закончить работу на два часа раньше, поэтому не собирался задерживаться ни на минуту.

Когда он прибыл в «Цзяньсинь», несколько топ-менеджеров как раз провожали Тань Юмина к выходу. Неизвестно, о чём они говорили, но Тань Юмин звонко рассмеялся.

Эти пятидесятилетние «старшие братья» были доверенными лицами, которых Шэнь Цзуннянь прислал из «Хуаньту». Но прошло всего два месяца, и они уже смотрели в рот Тань Юмину, признавая его своим лидером.

Тань Юмин подбежал широким шагом и сел на пассажирское сиденье «Бентли», скомандовав:

— В «Бодиро».

Тань Юмин с детства рос в медовом горшочке всеобщей любви родственников, его баловали тётушки с обеих сторон. Он всегда придавал большое значение семье. Для двоюродной бабушки он выбрал комплект с нефритом, а для младших сестрёнок — ожерелья.

— Когда вышли эти часы? — молодой господин Тань, всегда следивший за модой, раньше их не видел.

— Всего неделю назад. Пока это пробная продажа. Господин Тань, хотите примерить?

— Не буду мерить, упакуйте всё вместе, — он указал на Шэнь Цзунняня, который сидел на диване и говорил по телефону. — Он платит.

Девушка-консультант подошла и увидела, что Шэнь Цзуннянь занят разговором. Она не знала, стоит ли сейчас к нему обращаться. Однако Шэнь Цзуннянь, всё ещё держа телефон у уха, не дожидаясь её слов, просто протянул карту.

Сев в машину, Тань Юмин тут же распечатал верхнюю подарочную коробку:

— Это тебе.

Он просто убрал руку Шэнь Цзунняня с руля и со щелчком застегнул на его запястье часы:

— Неплохо.

Модель, размер, хват запястья — всё подошло идеально. С самого детства он держал эту руку, сжимал её, обнимал. Он знал её лучше, чем свою собственную, поэтому даже при покупке вслепую не мог ошибиться.

Шэнь Цзуннянь бросил быстрый взгляд, но не оценил жест:

— Ты купил мне подарок на мои же деньги?

Тань Юмин поднял голову, словно услышал полнейший абсурд:

— Что значит «твой» или «мой»? Разве твоё — это не моё?

— ... — Шэнь Цзуннянь холодно выдернул руку, положил её на руль и нажал на газ.

До старого особняка семьи Гуань был час езды. Пробок не оказалось. Для жителей Хайши настоящий вечерний час пик наступал не в шесть, а после десяти.

Проезжая по мосту через залив, вдалеке можно было заметить проходящий морской поезд.

Тань Юмин, вероятно, был одним из немногих молодых людей в современном обществе, кто любил навещать родственников. Особенно он обожал суету. При мысли о том, что скоро он увидит всю свою огромную родню, его сердце наполнилось радостью, словно перед новогодними праздниками.

Сад семьи Гуань утопал в зелени гор. В ветвях деревьев вили гнёзда белоглазки с золотисто-зелёным оперением и сапфировыми хвостами. В детстве Тань Юмин строил для них домики: он хотел подарить жильё всем красивым птичкам.

Газон подстригли ещё утром. Чёрный «Бентли» въехал в сад. Машина ещё не успела припарковаться, как издали донёсся звонкий крик:

— Uncle!!

Две девочки, одна повыше, другая пониже, выпорхнули из леса, словно птички. Тань Юмин аж крикнул, когда они налетели на него. Он подхватил одну на руки, а вторую взял за руку:

— Как меня надо называть? Говорите по-китайски.

— Дядя!

Тань Юмин рассмеялся, подбросил младшую на руках и повернулся к Шэнь Цзунняню, который стоял позади с подарочными коробками:

— А это кто?

Птички притихли:

— Дядя Цзуннянь.

Шэнь Цзуннянь коротко ответил: «Угу».

Женщины играли в маджонг во дворе. Увидев Тань Юмина, они все вышли его встречать. Одна двоюродная сестра только что вернулась из школы для девочек, а другая выбежала из музыкальной комнаты.

— Брат! — Затем они немного выпрямились и добавили: — Брат Цзуннянь.

В своём поколении Тань Юмин был единственным мальчиком. До появления Шэнь Цзунняня в семье Тань он либо строил из себя короля демонов среди отпрысков богатых семей, либо крутился в девчоночьей компании сестёр. Друзья даже подшучивали над Тань Чуншанем и Гуань Кэчжи, говоря, что они родили настоящего маленького Баоюя.

— Двоюродная бабушка.

И молодой господин Тань, который на людях всегда строил из себя невесть что, и господин Шэнь перед Гуань Сяньюнь могли лишь послушно здороваться.

Гуань Сяньюнь была тётёй Гуань Кэчжи и дочерью высокопоставленного чиновника. В молодости она училась в Наньяне, где развернула крупный судостроительный бизнес. А в старости вернулась к корням — приехала в Хайши, чтобы спокойно доживать свои дни.

Увешанная драгоценностями пожилая дама с прямой осанкой помахала им рукой:

— Ну-ка, подойдите, дайте бабушке посмотреть.

— Мин-цзай стал ещё красивее, а Нянь-цзай немного похудел.

Тань Юмин тут же включил ябеду:

— Он просто трудоголик. Одной водой питается.

Старушка сказала, что так не пойдёт: если заработать все деньги, но лишиться жизни, то и тратить их будет некому. Всё впустую. Шэнь Цзуннянь слушал, опустив голову.

Когда Шэнь Цзуннянь только переехал в семью Тань, родственники на Новый год дарили Тань Юмину пухлые красные конверты. Тань Юмин был парнем смышлёным и понимал принцип «чтобы поймать разбойников, поймай их вожака». Он приставал к Гуань Сяньюнь и спрашивал детским голосочком:

— Двоюродная бабушка, а где конверт для Нянь-цзяя?

Сердце Гуань Сяньюнь таяло. Она подхватывала его на руки:

— Ой, бабушка совсем забыла! Сейчас всё исправим, хорошо?

Похожий на нефритовую статуэтку пухляш надувал щёки:

— Ладно.

Позже, то ли из-за Тань Юмина, то ли из-за выгоды, родственники семьи Тань стали довольно тепло относиться к Шэнь Цзунняню. Он действовал в одиночку, но смог в кратчайшие сроки прорваться сквозь толпу дядюшек и взять под контроль «Хуаньту». И помимо собственных железных методов, ему немало помогла поддержка родственников Тань.

В доме родни Тань Юмин чувствовал себя на все сто процентов как дома. Он вальяжно уселся, закинул ногу на ногу и отщипнул себе кисть личи.

Сезон личи давно прошёл, но у семьи Гуань был свой тропический фруктовый сад. Несезонные овощи и фрукты поставлялись круглый год. Каждый раз, когда приезжал Тань Юмин, для него заказывали свежие личи.

Сорта «Гуалюй», «Хуайчжи», «Улыбка наложницы» — всё ещё покрытые каплями росы, с необорванными веточками. Ярко-красные гроздья лежали на голубом фарфоровом блюде, словно рубины, инкрустированные в перегородчатую эмаль.

Кожица у сорта «Сяньцзиньфэн» была тонкой. Тань Юмин слегка прикусил её клыком. Оболочка лопнула, обнажив круглую, белоснежную и сочную мякоть. Рот наполнился сладостью, язык словно обмакнули в мёд. Он довольно прищурился. На мгновение даже стало непонятно: это фрукты такие сладкие или сам человек.

Шэнь Цзуннянь наблюдал за ним с бесстрастным лицом.

В детстве Тань Юмин как-то подавился косточкой от личи. Его круглое лицо побледнело, став белым, как мякоть этого фрукта. Слезы наворачивались на глаза — их было больше, чем фруктового сока. После этого Шэнь Цзуннянь несколько лет подряд сам выковыривал для него косточки.

Гуань Сяньюнь нравилось смотреть, с каким аппетитом он ест. Она расплылась в улыбке:

— Ешь медленнее, а то опять подавишься.

— Я не такой уж глупый. — У Тань Юмина вздулась щека от еды, а в руке он лениво крутил веточку. Алые плоды богатства контрастировали с его длинными пальцами и небрежной улыбкой, отчего он казался ещё большим повесой.

Лето для «Улыбки наложницы» давно миновало, но в его руках веточка словно расцвела повесеннему. Он отрывал то одну ягоду, то целую кисть, крутил их в руках, размахивал из стороны в сторону, отчего рябило в глазах.

Повеса, ничего не замечая, потянулся и спросил у Гуань Сяньюнь:

— А где дядя?

— В галерее.

Тань Юмин встал и позвал Шэнь Цзунняня:

— Пошли, найдём его.

Гуань Сяньюнь сказала:

— Идите.

Они направились на задний двор. Вокруг пышно росли монстеры. В старом особняке семьи Гуань сохранились элементы наньянского стиля: ирисы, глицинии и цветы граната, резная глазурь цвета индиго, медово-жёлтые карнизы, рубиново-красные окна. Плитка с узором в виде водной ряби переливалась на солнце, напоминая покоящуюся на дне яшму.

Проходя по крытой галерее, Тань Юмин вспомнил сериалы о перанаканцах, которые в детстве смотрела госпожа Тань. Вечерний ветер всё ещё был по-тропически душным, словно предвещающая дождь, который всё никак не мог пролиться. Их руки иногда соприкасались, а тихое дыхание создавало атмосферу влажности и зноя.

Тань Юмин лениво прогуливался. Он доел личи, но не мог найти мусорное ведро. Покрутив головой, он остановил свой взгляд на Шэнь Цзунняне.

Шэнь Цзуннянь предупредил его:

— Не нарывайся.

Тань Юмин нахмурился и, держа косточку во рту, нетерпеливо цокнул языком:

— Давай быстрее.

Шэнь Цзуннянь остался непоколебим.

Тань Юмин привык командовать. Ему было плевать, хочет этого другой человек или нет. Он тут же полез к нему в карманы в поисках носового платка или салфетки, но ничего не нашёл.

В чужом доме Шэнь Цзуннянь не мог терпеть его распускание рук. Он просто схватил его за запястье и, как в детстве, подставил к его губам другую ладонь, чтобы тот выплюнул косточку.

Гладкая косточка, пухлая и круглая, всё ещё хранила тепло языка Тань Юмина. Она билась в ладони Шэнь Цзунняня, словно приторно-сладкое сердце, или пускала корни и разрасталась, словно крошечное семечко.

Шэнь Цзуннянь хотел выбросить её, но не мог. Лишь войдя в дом, он нашёл мусорное ведро и избавился от косточки. Он пошёл вымыть руки. Сладкий сок смылся, но это медовое, приторное ощущение так и осталось на пальцах.

— Дядя.

Там же находились и несколько дальних дядюшек. Группа мужчин сидела в чайной комнате и обсуждала дела.

— Юмин, Цзуннянь, — поприветствовал их дядя, и остальные тут же поднялись со своих мест.

— Давно приехали?

— Только что, — с улыбкой подошёл Тань Юмин и по-братски обнял дядю за плечи.

Дядей у него было много, но с этим он был ближе всех. В детстве он сидел у него на плечах и смотрел танец львов. Засмотревшись, он долго не хотел слезать. Дядя так и нёс его, уже довольно тяжёлого, через весь проспект Берлингтон, бегая вслед за хвостом льва. Гуань Кэчжи и Тань Чуншаню тогда было жутко неловко.

Дядя предложил Тань Юмину сигарету. Тот не взял, но выудил из кармана Шэнь Цзунняня зажигалку, сам прикурил дяде и сказал:

— Кури сам, я не буду. А то двоюродная бабушка скажет, что ты меня плохому учишь.

Курил он лишь изредка: либо на приёмах, либо когда нервничал.

Дядя засмеялся и спросил:

— А Цзуннянь?

Шэнь Цзуннянь ещё не успел открыть рот, как Тань Юмин ответил за него:

— Он не курит.

Шэнь Цзуннянь спорить не стал.

Ещё когда они жили в старом особняке, госпожа Тань всегда пилила Тань Юмина, чтобы тот меньше курил. Шэнь Цзуннянь жил в чужом доме и боялся, что запах сигарет на одежде вызовет недовольство, поэтому никогда не присоединялся к курящим.

Дядя кивнул, не стал настаивать, предложил им сесть, выпить чаю и продолжил обсуждать дела.

Тань Юмин поболтал с ними немного, но вскоре заскучал. Ему не сиделось на месте, и он улизнул во двор — смотреть, как играют в маджонг.

У Шэнь Цзунняня не было такого шила в одном месте, поэтому он остался. Когда разговор подошёл к концу, один из дальних дядей отвёл Шэнь Цзунняня в сторону и поблагодарил его за тот случай в казино.

Как ни странно, родственники по всем вопросам и косякам предпочитали обращаться именно к Шэнь Цзунняню, а не к родному племяннику Тань Юмину.

Дядя огляделся по сторонам и, убедившись, что в галерее никого нет, тихо произнёс:

— Деньги я верну как можно скорее. Дай мне ещё пару дней.

— Ничего страшного. — Шэнь Цзунняню было абсолютно всё равно. Проблемы этих людей казались ему сущей мелочью. В своей жизни он повидал и совершил куда больше грязных, плохих и ужасных дел.

Дядя осторожно спросил:

— Ты же не сказал моей старшей двоюродной сестре? — С характером Гуань Кэчжи шутки были плохи.

— ... — протянул Шэнь Цзуннянь. — Нет.

Во дворе женщины шумно играли в карты и маджонг. Тань Юмин снова стал заводилой у детей. Он был красивым, с хорошим характером и щедрым. Маленькие племянники выстраивались в очередь, чтобы поиграть с ним.

Один ребёнок сидел у Тань Юмина на спине, другого он держал на руках, а третий висел у него на ноге. Неизвестно, что он им рассказал, но дети заливисто хохотали.

Двоюродная бабушка вытянула нужную костяшку. Подняв голову и увидев его сияющую улыбку, она тоже рассмеялась:

— Ну что, весело?

Тань Юмин громко ответил:

— Весело! — Он хватал этих мягких беленьких пухляшей одного за другим. С ними было интереснее, чем с щенятами и котятами, которых он держал раньше.

— Раз весело, завёл бы своего, — заметила старушка. — Знаешь, в детстве с тобой было ещё веселее, все так и хотели тебя потискать. Ой, — тут же оговорила она, — я тебя не тороплю, я не такая уж консервативная. Но когда в доме есть дети, это правда здорово. А если родить несколько — вообще веселье, как стайку щенят завести.

Тань Юмин рассмеялся:

— Тут я не могу решать. — Рожать или нет, и сколько именно — это должна была решать будущая госпожа Тань.

Тётя, увидев, что он не избегает этой темы, с улыбкой спросила:

— А твои родители тебе уже кого-нибудь присматривают? Есть подходящая кандидатура?

— Нет пока. — Тань Юмин взял на руки маленькую племянницу. Потянув её за хвостик, он пошутил: — А что, тётя, хотите кого-то познакомить со мной?

Тётя удивлённо воскликнула:

— Правда?

Тань Юмин громко рассмеялся:

— Конечно, шучу.

— Как нагуляюсь, обязательно попрошу вас найти мне пару.

Тётя выиграла раздачу и пожурила его:

— Да я не рискну брать на себя такую ответственность. Посмотрим, какую святую найдут тебе родители, чтобы обуздать такого великого демона.

Тань Юмин с улыбкой промолчал, и тётя снова спросила:

— А Нянь-цзай? У Мин-цзая никого нет, а у тебя?

Только тут Тань Юмин заметил, что неизвестно когда подошедший Шэнь Цзуннянь стоит, скрестив руки на груди, и молча прислоняется к цветущему дереву баухинии на лужайке.

(Заметки автора: Друзья, я всё-таки хочу прояснить, что это всё ещё медленная история с эмоциональными качелями (кажется, даже больше, чем в "Ответном письме"). Я знаю, чего вы все ждёте, но это произойдёт не так быстро. То, что нужно раскрыть, я обязательно напишу, а ломка бывает периодической, она не может случиться раз-два и пройти, будут постоянные откаты. Те, кто торопится, могут пока подкопить главы~ Желаю всем приятного чтения, чмок.)

<http://bllate.org/book/17117/1599337>